

В. А. Бондарь
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ОТ РЕЗУЛЬТАТИВА К ПЕРФЕКТУ: ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

В статье представлен семантико-синтаксический анализ конструкций *habban+причастие II* и *hæfdon+причастие II* на материале выборки из древнеанглийского и среднеанглийского корпусов прозаических текстов. Основное внимание уделяется механизмам, способствовавшим переходу семантики *hæfdon+причастие II* от результативной к перфектной. Исходным является тезис, продемонстрированный на широком материале в ряде исследований, согласно которому конструкция обладала стательно-результативной семантикой и обозначала состояние субъекта, одновременно выступающего в роли агенса. На основании предложенной Б. Хайне (Heine, B. 2002) схемы развития языковым выражением нового грамматического значения выделяются связывающие контексты, в которых возможна двойственная трактовка семантики конструкции (стательно-результативная и перфектная), а также контексты переключения, допускающие исключительно перфектную интерпретацию. В качестве контекстов переключения в древнеанглийском выступают темпоральные предложения, выражающие последовательность двух действий и контрфактуальные предложения в среднеанглийском. Анализ данных показывает, что такой сценарий развития характерен скорее для предпрошедшего времени, которое маркирует чистый таксис, чем для презентного перфекта.

Ключевые слова: перфект, результатив, синтаксис, грамматикализация, древнеанглийский, среднеанглийский.

V. A. Bondar'
(St. Petersburg State University)

From resultative to anterior: on the history of English past perfect tense

The paper aims to explore the semantic and syntactical environment of the constructions *habban+PP* and *hæfdon+PP* based on the data collected from Old English and Middle English corpora of prose texts. The main emphasis is made on mechanisms which contributed to the transition of the semantics of *hæfdon+PP* from resultative to anterior. The starting point is a statement, which has been demonstrated on an ample material in a series of studies, that the construction in question possessed a state-resultant semantics and was used to express a state of the subject which simultaneously played the role of agent. Applying the scheme, proposed by B. Heine (Heine, B. 2002), of how a linguistic expression acquires a new meaning, first, bridging contexts were identified where interpretation of both state-resultant and anterior semantics was available, and secondly, switch contexts were found where the target (new) meaning was the only one possible. The latter contexts are represented by temporal clauses in Old

English and counterfactual ones in Middle English. The analysis shows that the outlined scenario can be applied to the development of the past perfect, which marks pure taxis, rather than to the present perfect.

Key words: perfect, resultative, syntax, grammaticalization, Old English, Middle English.

В рамках теории грамматикализации перфект развивается из сочетания лексически однозначных единиц, а именно, посессивного глагола и второго причастия вследствие их реинтерпретации в ходе метафорического или метонимического переноса (Brinton 1988; Bybee et al. 1994; Hopper, Traugott 2003). Как отмечает Т. Макфадден, если в латинском *in ea provincia pecunias magnas collocatas habent*, что соответствует современной английской результативной конструкции *They have a lot of capital invested in that province*, глагол *HABENT/HAVE* сохраняет свое лексическое значение «иметь, держать», то до перфектного прочтения данного контекста остается «всего лишь небольшой скачок» (*only a short jump*), поскольку если кто-то обладает инвестированным капиталом (*has capital invested*), то это означает, что в прошлом в определенное время он этот капитал поместил (*has invested the capital*) (McFadden 2007: 699-700). Несмотря на верность данных теоретических постулатов, касающихся трансформации результата в перфект (реинтерпретация, метафорический/метонимический перенос, десемантизация посессивного глагола и т. д.), все же остается один важный вопрос: каким образом происходит «скачок», о котором говорит Т. Макфадден?

К. Кэри, исследуя механизмы такого «скачка», предложила гипотезу поэтапного развития антериорного значения. Конструкция *habban+причастие II*, по ее мнению, в большинстве случаев обладала результативно-статальной семантикой. Автор работы выделяет два вида конструкций: *Resultant State Object (RS-Obj)*, объектно-результативно-статальная и *Resultant State Process (RS-Proc)*, процессно-результативно-статальная.

(1) [Or_6:37.156.6.3314] ...þa þa ge **hiene gebundenne hæfdon**, & hiene sifþan atugon... — тогда они его **связали** (они его **связанным держали**) и его затем потащили...

(2) [ÆHom_8:50.1194] We **habbað nu gesæd** sceortlice on Englisc **þis halige godspell** ... — Мы кратко **рассказали о свящем Евангелии** на английском...

В (1) представлена объектно-результативно-статальная конструкция, которая обладает свойствами конструкции с вторичной предикацией, проявляет следующие характеристики: при-

частье является обязательным аргументом посессивного глагола, подлежащее (субъект) контролирует состояние объекта, т. е. проявляются статальные отношения между объектом и конечным состоянием процесса, а сам посессивный глагол не может выражать значение непосредственного обладания или владения. В (2) мы видим процессно-результативно-статальную конструкцию, в которой подлежащее всегда агенс, а причастие является скорее активным и глагольным, чем пассивным и адъективным. На это, в частности, указывает употребление наречия образа действия *sceortlice* (Carey 1994: 33–34, 37).

В подавляющем большинстве случаев в древнеанглийском можно наблюдать использование конструкции второго типа, в которой фокус уже смещен с состояния объекта на состояние субъекта, наступившее при завершении действия (Carey 1994: 38).

Конструкции с глаголами, выражающими действие, направленное на внешний объект, едва ли могли подвергнуться конвенционализации и стать переходной ступенью в развитии перфектной (антериорной) семантики. К данным контекстам по-прежнему применима объектная интерпретация, поскольку в фокусе может находиться состояние объекта в результате выполненного над ним действия. При этом подлежащее предложения и агенс могли не совпадать. Более того, как указывает У. Детгес, переход от результата к перфекту не происходит сам по себе, но полностью зависит от дискурсных стратегий говорящих, которые используют риторический потенциал результата для достижения определенного эффекта (Detges 2000: 366). Важную роль для такого перехода, по мнению К. Кэри, сыграли глаголы интеллектуально-сенсорной деятельности и глаголы говорения и восприятия, поскольку в их семантике выражается действие, направленное на сам субъект: субъект находится в состоянии завершенности выполненного им самим действия.

(3) [Bo:29.67.12.1250] *Hu licad þe nu se anwald & se wela, nu ðu **gehered hæfst** þæt hine mon nawðer ne butan ege habban ne mæg ne forlætan ne mot, þeah he wille?* — Как нравится тебе власть и слава теперь, когда ты **услышал**, что ею нельзя ни обладать без страха, ни отказаться от нее, даже если хочешь?

В (3) контекст позволяет интерпретировать соответствующее результирующее состояние в широком смысле, т. е. следует говорить не о том, что субъект находится в состоянии «*услышанности*», но, скорее, в состоянии получения нового опыта

(знания) как результата предшествующего (антериорного) действия восприятия (Carey 1994: 62).

Однако данные глаголы не только способны указывать на состояние субъекта, но акцентировать значимость непосредственного дискурса, что уже является одной из неотъемлемых характеристик перфекта. Дальнейший переход к антериорной семантике совершился, с точки зрения автора, в итеративно-дуративных контекстах, в которых как раз и фокусируется отношение не между действием и вытекающим из него состоянием субъекта, но между действием и каким-либо аспектом текущей дискурсивной ситуации (Carey 1994: 23–84).

В нашем исследовании мы исходим из предположения, что древнеанглийский материал представлен в большинстве случаев конструкцией со статально-результативной семантикой, с посессивным глаголом как в настоящем, так и в прошедшем времени: *habban+причастие II* и *hæfdon+причастие II*. На то, что *hæfdon+причастие II* следует рассматривать как прошедшие стивы (*past statives*), указывается в Aristar and Dry (1982: 5 et passim). По мнению авторов, в данной конструкции, следуя временной логике Г. Рейхенбаха, время события (ET) и время референции (RT) совпадают, в то время как в современном английском прошедшем перфекте (*past perfect*) расположение времен события, говорения и референции распределены следующим образом: E — R — S. Следовательно, до определенного этапа, можно утверждать, развитие статальной семантики в *habban+причастие II* шло параллельно аналогичной конструкции *hæfdon+причастие II*. Но необходимо принимать во внимание тот факт, что в современном английском языке перфект и все связанные с ним трудности в интерпретации функционально-семантических характеристик ограничиваются презентным перфектом, прошедший же перфект маркирует чистый таксис, указывая на завершение действия и результат, вытекающий из предшествования одного прошедшего события по отношению к другому (Plungian 2011: 269). При этом, возникает вероятность того, что диахронически переход от результата к перфекту в предпрошедшем времени происходил иначе и следовал несколько иным принципам, чем презентный перфект.

В данной статье мы рассмотрим контексты, в которых употреблялась конструкция *hæfdon+причастие II*, на материале выборки, полученной из синтаксически размеченного корпуса древнеанглийских текстов *The York-Toronto-Helsinki Parsed*

Corpus of Old English Prose (YCOE) и сравним ее с примерами из корпуса среднеанглийских текстов *Penn-Helsinki Parsed Corpus of Middle English (PPCME2)*.

Как отмечал В. П. Недялков, в рамках посессивного результата может происходить расширение лексической базы конструкции, когда «субъект помещает объект не на свое тело, но где-нибудь в другом месте, доступном для субъекта или принадлежащем субъекту...» (Nedjalkov 1983: 17). В таком случае роль субъекта как носителя состояния может ослабевать и усиливаться роль деятеля. Таким образом, данный вид результата выступает в роли промежуточного звена к переходу от результата к перфекту (*ibid.*). Однако важным может быть не только лексическое наполнение результата, но и сам контекст, в котором он употребляется. В нашей выборке, мы считаем, что, несмотря на потенциал к переходу в перфект, которым обладал результатив, образованный от глаголов говорения, ментальной (интеллектуально-сенсорной) деятельности, примеры с данными глаголами, употребленными одновременно с объектом, следует исключить из анализа.

(4) [LS_1.2_[AndrewMor[B1Hom_19]]:229.24.2936] & mid þu þe he þis gebed se eadiga Matheus **gecweden hæfde**, mycel leoht & freabeorht onlyhte þæt carcern. — и как только он эту молитву, святой Матфей, **произнес**, обильный яркий свет осветил темницу.

Как мы отметили ранее, в рамках гипотезы К. Кэри, семантику конструкции в подобных контекстах, скорее всего, следует интерпретировать как процессно-результативно-статальную. Однако не исключено, что в фокусе такой конструкции может находиться состояние объекта, над которым субъект произвел определенное действие — «как только у него молитва прочтена». Соответственно, чтобы избежать подобных двусмысленных контекстов, мы убрали из нашего анализа все примеры, в которых любые глаголы, особенно ментальной деятельности и говорения предполагают выполнение действия субъектом, но не исключают наличие объекта и, следовательно, направленности действия и на него. Сюда мы также отнесли случаи использования сентенциальных объектов, выраженных союзами, а также наречиями образа действия такими как *swa*, *þus* «так», «таким образом» и т.д.

(5) [ÆHom_28:75.4049-4050]& se munuc gewende to þam westene eft, **hæfde** þa **gesawen** swa swa he sylf gewilnode. — и

затем этот монах пошел в пустыню, тогда **увидел** он, так как он сам хотел.

(6) [HomS_26_[BīHom_7]:93.206.1226] Nu is eal gesyne þæt we ær **behýded hæfdon**. — Теперь всем видно, что мы ранее **скрывали**.

(7) [Gen:49.32.2160] & þa he þus **gesprečen hæfde**, he feold his fet urpan his bed... — и когда он таким образом **сказал**, он поместил ноги на ложе...

В (5) и (6) союзы *swa* и *þæt* вводят объект, в роли которого может гипотетически выступать целая клауза. Анализируя древневерхненемецкие примеры, аналогичные (5) И. Ларссон отмечает, что наличие прономинального наречия, соответствующего современному английскому *so* «так, таким образом» и отсутствие четких примеров употребления непереходных глаголов в связке с *HAVE*, делают глаголы в подобного рода контекстах переходными. Отсюда возникает возможность двойного прочтения семантики анализируемой конструкции (Larsson 2009: 120). Таким образом, в фокусе нашего анализа будут контексты с непереходным употреблением глаголов: конструкция с такими глаголами, однако, по-прежнему сохраняет процессно-результативно-статальную семантику.

(8) [ÆCHom_II_26:215.71.4754] Se ðridda cwæð; Ic **hæbbe** nu **gewifod**. — Третий ответил: я теперь **женат**.

В (8) перед нами субъектный результатив, который указывает на то, что субъект пребывает в состоянии, наступившем в результате им же самим выполненного действия. В отличие от перфекта, в котором акцент на совершенном действии связан с моментом говорения важностью результатов самого действия, в нашем примере основное внимание сосредоточено на характеристике состояния субъекта.

По мнению Дж. Байби семантический переход от результата к перфекту можно описать как обобщение значения, в ходе которого определенные характерные для результата оттенки значения постепенно стираются (Bybee et al. 1994: 69). При этом не менее важным является синтаксическое окружение, допускающее такой семантический сдвиг. Если дискурсные функции конструкции используются для выражения не только и не столько состояния, но подчеркивают действия, которые предваряют другие действия, создаются благоприятные условия для развития перфектного значения (*ibid.*). Как было показано выше, широкий ряд контекстов даже с непереходными глаголами едва ли можно рассматривать как такое синтаксическое окру-

жение, в котором у конструкции *hæfdon+причастие II* способно развиться перфектное значение и привести к возникновению предпрошедшего времени. Исключив данные контексты, мы полагаем, что перфектное предпрошедшее время могло развиваться в придаточных предложениях времени, вводимых, например, такими союзами как *þa* (тогда), *þonne* (тогда), *æfter* (после, в темпоральном значении), *siððan* (после), в которых анализируемая конструкция использовалась при описании двух событий, следующих друг за другом:

(9) [ÆHom_22:45.3315] Eft, þa þa he **agylt hæfde**, and Godes bebod tobræc, þa forleas he þa gesælþa...— затем, когда он **согрешил (согрешивши)** и нарушил закон Бога, тогда потерял он блаженство...

Даже если в первых аналогичных примерах изначально употребляемый результатив прочитывался как описание статальной характеристики предмета, именно синтаксическое окружение легко могло вызвать семантический перенос состояния субъекта на выполненное им действие. Особенно данный переход становился очевидным с определенной семантической группой глаголов, которые в концепции К. Кэри являлись важным семантическим пунктом трансформации результата в перфект: глаголы говорения, ментальной деятельности. К ним мы должны прибавить такие глаголы, как *agyltan* (грешить) в (9), которые выражают действие, направленное на изменение состояния субъекта-агенса действия. В дальнейшем семантика глаголов утрачивала свою роль в процессе трансформации результата, а все более значимым становилось синтаксическое окружение, в которое попадал глагол. Так мы находим такие глаголы, как *drincan* (пить) и *etan* (есть) в их непереходном употреблении, которые употребляются с *hæfdon+причастие II* и которые можно трактовать как первые примеры предпрошедшего времени:

(10) [Gen:27.26.1090–1091] þa he **hæfde gedruncen**. ða cwæð he to him: Sunu min, gang hider & cysse me. — когда он **испил**, тогда обратился он к нему: сын мой, подойди и поцелуй меня.

(11) [cootest][Gen:31.54.1297] þa hi **eten hæfdon**, hi wunedon ðær. — когда они **поели**, они остались там.

Эти два примера можно противопоставить следующему:

(12) [Lk_[WSCp]:22.20.5444–5445] And swa eac þæne calic, syððan he **geeten hæfde** & cwæð... — И также эта чаша, после/затем он **поел** и сказал.

Темпоральный контекст не всегда может быть настолько четким, чтобы исключить возможность статального прочтения семантики конструкции.

Так, *hæfde geeten* в (12) используется в сочетании с *syððan*, которое может функционировать как темпоральное наречие (после, затем), так и темпоральный союз (после того как). И хотя для общего понимания контекста такое разграничение функциональной семантики *syððan* не имеет большого значения (смысл остается неизменным), для определения семантики конструкции оно становится существенным: в случае если перед нами наречие, ничто не мешает интерпретировать конструкцию как процессно-результативно-статальную, поскольку она не используется в синтаксическом окружении с последовательностью двух действий. Латинский оригинал не дает нам решающих аргументов в пользу той или иной трактовки: хотя *postquam* функционирует как союз и употребляется перед перфектом *senavit*, при передаче латинский перфект не обязательно должен соответствовать современному английскому перфекту, т. е. указывать на завершённое действие, связанное с моментом говорения и/или с более широкой дискурсной ситуацией, нежели чем с ее непосредственными участниками. Семантика субъектного результата, выраженного в *hæfde geeten*, вполне вписывается в рамки ситуации, обозначенной в (12) и, как кажется, может передавать определенные оттенки грамматического значения латинского перфекта, такие как предельность и пребывание в определенном состоянии. Статально-результативная интерпретация становится возможной при отсутствии двух следующих друг за другом действий.

Есть контексты, в которых в латинском оригинале используется совершенно иная конструкция, что вообще не дает какого-либо ключа к пониманию семантики *hæfdon+присчастие II*.

(13) Alex:13.3.105] *Mid þu we ða gewicod hæfdon ða wolde ic minne þurst lehtan & celan.* — Когда мы **расположились** лагерем, тогда захотел я свою жажду заглушить и утолить.

В (13) *hæfdon gewicod* с непереходным глаголом *ge-wícian* (располагаться лагерем) используется для передачи латинского глагола в третьем лице множественного числа страдательного залога настоящего времени *castra ponuntur* (ставить, разбивать лагерь). *Mid þu* (когда, как только) используется наряду с наречием *ða* (тогда), что создает ситуацию последовательности сменяющихся друг за другом действий.

Двоякую интерпретацию семантики конструкции, как мы полагаем, можно проследить в следующих двух примерах.

(14) [Alex:30.8.371] Mid þu we **gewicod hæfdon** & ure þing eall gearo, þa het ic eallne þone here... — Когда мы **расположились** лагерем и у нас было все готово, тогда приказал я войску...

Перед нами контекст, в котором представлены три последовательных действия: разбиение лагеря, приведение в готовность всех вещей и созыв войска. Логично предполагать, что все они следуют друг за другом. Следовательно, после того, как было выполнено одно действие, наступает следующее. Однако окружение, в котором употребляется *hæfdon gewicod* в (14), а именно клауза *ure þing eall gearo*, может указывать, как мы предполагаем, не столько на таксисное прочтение, сколько на статальное описание ситуации: *в тот момент, когда мы были разместившимися и все у нас было готово*. В соответствии с теорией согласования сочинительных составляющих (Coordinate Constituent Constraint) элементы, составляющие структуру с соединительной связью, должны обладать одинаковой семантической функцией (Schachter 1977: 90). Мы предполагаем, что вершину двух клауз, соединенных союзом *и*, может представлять как раз глагол *hæfdon*, при этом формы прилагательного *gearo* при сильном склонении совпадают в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода. Все это позволяет приравнять статальную семантику обладания вещами во второй клаузе и состояние субъекта в первой и рассматривать *hæfdon gewicod* как процессно-результативно-статальную конструкцию. При этом не исключена и динамическая (таксисная) интерпретация.

Аналогичное двоякое прочтение семантики конструкции в темпоральных клаузах находим в (15).

(15) [Gen:43.21.1838–1839] Ða we **geceapod hæfdon** & we hamweard wæron, þa undidon we ure saccas; þa fundon we þæt feoh þæron, þe we ær sealdon... — Когда мы **закупились (совершили покупки)** и были на пути домой, тогда раскрыли мы наши мешки; тогда обнаружили мы там деньги, которые мы ранее отдали.

В примере передаются четыре действия, представленные в латинском оригинале в двух предложениях: 26. At illi **portantes frumenta in asinis suis, profecti sunt** (*загрузили мешки и отпрافились*) и 27. **Apertoque** unus sacco, ut daret jumento pabulum in diversorio, **contemplatus** pecuniam in ore sacculi (*открыли мешки*

и увидели). Также как и в (14) ситуация характеризуется таксисным отношением между следующими друг за другом действиями.

В древнеанглийском переводе в одном сложноподчиненном предложении выражены три действия, соответствующие двум предложениям в латинском: *когда закупились и отправились, тогда открыли мешки*. Таким образом, с одной стороны глагол в непереходном употреблении *ge-seárian* (покупать, приобретать) и сложноподчиненное предложение с темпоральным коррелятивным союзом *þa...þa* дает возможность трактовать *hæfdon geseapod* как предпрошедший перфект. На то, что в главном предложении *þa* следует передавать современным английским союзом *when* (когда), указывает прямой порядок слов: S (we) — V (*geseapod hæfdon*), если *þa* функционирует как наречие (тогда), происходит инверсия, V — S (о проблеме разграничения см. Mitchell 1985: 304–308 et passim). С другой, соединенная с *hæfdon geseapod* сочинительным союзом клауза *we hatweard wæron*, которая указывает на состояние субъекта, а также нарративный контекст перечисления событий позволяет выделить одно состояние и два действия: *когда мы были закупившиеся и мы были в пути, тогда открыли мешки, тогда обнаружили, скорее чем после того как закупились и отправились*. В таком случае *hæfdon geseapod* прочитывается как процессно-результативно-статальная конструкция. Следовательно, мы можем рассматривать две клаузы, соединенные сочинительным союзом, как независимые друг от друга или же, следуя теории *согласования сочинительных составляющих*, можем предположить функционально-семантическую взаимозависимость двух клауз в рамках одного темпорального придаточного предложения и семантическую идентичность (статальность) двух глагольных вершин. Таким образом, как и в (14) придаточное предложение может вводить описание ситуации (в тот момент), скорее чем указывать на последовательность действий, что впрочем также не исключено.

В общем и целом, достигнув достаточно высокого уровня грамматикализации конструкция *hæfdon+причастие II* с глаголами в непереходном употреблении, попадая в синтаксическое окружение придаточных предложений времени (за исключением контекстов, где возможно двойное прочтение ее семантики), указывающих на непосредственно следующие друг за другом действия, неизбежно приобретает перфектную интерпретацию.

Характерно то, что в нашем корпусе не обнаружено примеров, в которых в придаточных предложениях времени употребляется *habban+причастие II*, что, как мы полагаем, вполне закономерно. Презентный перфект, по всей видимости, развивался по несколько иной траектории. Для совпадения времени говорения S и референции R, что выражается в презентном перфекте, контексты с последовательностью времен, т.е. таксис, не является характерным, а следовательно, определяющим для перехода результата к перфекту. Отсюда и отсутствие таких контекстов с *habban+причастие II*. В нашем корпусе мы обнаружили всего лишь один пример, где конструкция используется в окружении союзов *þonne*.

(16) [ByrM_1_[Baker-Lapidge]:2.1.146.674] Gif hwylcum cnihte lyste ma þinga and deopra gesetnyssa be him witan **þonne** we her **habbað gebreued**, **þonne** ræde he þæs eadigan weres getingnyssa... — Если временами юноше захочется больше вещей и глубоких тайств о нем узнать, чем то, что мы здесь кратко **изложили**, тогда пусть он прочтет красноречивые изложения этого блаженного мужа...

В (16) союз *þonne* в первом случае выступает для введения придаточного предложения сравнения, а во втором случае указывает на будущее действие (ср. Mitchell 1985: 308, где *þa* сравнивается с темпоральным немецким союзом *als* для обозначения завершенного действия в прошлом, а *þonne* с *wenn* для передачи не только прошедшего, но и настоящего, будущего времени, а также отдельного действия, которое должно завершиться в неопределенное время). Итак, *habbað gebreued* в (16) обладает статально-результативной семантикой.

В одной из работ, посвященных проблеме вытеснения и дальнейшего исчезновения в английском презентном перфекте вспомогательного глагола *BE*, Т. Макфадден и А. Алексиаду отмечают важность расширения области применения посессивного перфекта благодаря контрфактуальным контекстам, в которых речь идет о вымышленных, (нереальных) событиях (McFadden, Alexiadou 2006). В нашей выборке мы зафиксировали 18 примеров, в которых *hæfdon+причастие II* используется с глаголом в сослагательном наклонении. Однако эти случаи употребления едва ли могут служить доказательством развития у конструкции перфектной семантики, так как сослагательная форма используется для передачи косвенной речи после глаголов говорения, когда передается какая-либо информация:

(17) [Or_2:4.41.27.792] & sæde þæt hie **hæfden** bet **gewyrht**...
— и сказал, что они лучше **сделали**...

В таком контексте семантика конструкции представляется двусмысленной, поскольку в данном синтаксическом окружении *hæfden gewyrht* можно интерпретировать как субъективный результатив аналогично примеру (3).

В среднеанглийский период происходит дальнейшее расширение контекстов, в которых *hæfdon+причастие II* можно трактовать как перфект. Увеличивается количество употреблений конструкции в контрфактуальных контекстах.

(18) [cmedthor][43.633] For if ane **hade bene** þi maker, and anoper thi byere, and **hade sufferde** in thaire bodyes all oure sorowe... — Ибо если один **был бы** твоим создателем, а другой твоим избавителем и **выстрадали** в своих телах все наши грехи...

На то, что перед нами в (18) перфект, указывает не только контекст с нереальными событиями, но и употребление стального глагола *bene*. Контексты с перфектом расширяются. Теперь он используется и в других типах придаточных предложений, например в придаточном предложении сравнения:

(19) [cmmirk][41.1180] wherfor he bade hym be studfast, and hold forth as he **had begonnen**. — поэтому он попросил его оставаться решительным и рассуждать так, как он **начал**.

Подводя итоги, отметим этапы перехода результата в перфект при развитии предпрошедшего времени в истории английского языка. За основу возьмем предложенную Б. Хайне схему развития языковым выражением нового грамматического значения (Heine 2002: 83–101):

1. Первоначальная стадия — *примеры 1, 2, 3, 8.*
2. Связывающий контекст (bridging context) — *примеры 5, 6, 7, 12, 14, 15, 17.*
3. Контекст переключения (switch context) — *примеры 9, 10, 11, 13, 18.*
4. Конвенционализация (conventionalization) — *пример 19.*

На первой стадии доминирует исходное значение конструкции, т. е. стально-результативное. В связывающем контексте возникает возможность выводить новое грамматическое значение. В нашем корпусе это контексты, в которых возможно двойственное прочтение: стально-результативное и перфектное. В контексте переключения, а именно, в темпоральных придаточных предложениях, где одно действие следует за другим, результатив (*hæfdon+причастие II*) от глаголов в непереходном

употреблении приобретает исключительно перфектную интерпретацию, в то время как статально-результативное прочтение противоречит семантике контекста.

Характерно, что такие контексты типичны для текстов конца древнеанглийского периода, когда, очевидно, степень грамматикализации субъектного результата достигла наивысшего уровня. Такими же контекстами, но уже в среднеанглийский период, становятся пассажи с изложением контрфактуальных событий. На этапе конвенционализации новое значение не ограничивается исключительно теми контекстами, в которых оно возникло, и распространяется на новые (например, (19) и другие, в которых доминировала первоначальная семантика конструкции. Теперь исходное значение и новое значение могут употребляться рядом, даже в одних и тех же клаузах (ср. Heine 2002: 85).

Литература

- Aristar, A., Dry, H. 1982: The origin of backgrounding tenses in English. *Proceedings of the Eighteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society*, 1–13.
- Brinton, L. J. 1988: *The development of English aspectual systems: Aspectualizers and post-verbal particles*. Cambridge University Press.
- Bybee, J., Perkins, R., Pagliuca, W. 1994: *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. University of Chicago Press.
- Carey, K. 1994: *Pragmatics, subjectivity and the grammaticalization of the English perfect*. University of California, San Diego.
- Detges, U. 2000: Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification. In: *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language"*, 24/2, 345–377.
- Heine, B. 2002: On the role of context in grammaticalization. *Typological studies in language*, 49, 83–102.
- Hopper, P. J., Traugott, E. C. 2003: *Grammaticalization*. Cambridge University Press.
- Larsson, I. 2009: *Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish*. Dissertation. Göteborgs Universitet, Acta Universitatis Gothoburgensis, Göteborg.
- McFadden, T. 2007: Auxiliary selection. *Language and Linguistics Compass*, 1/6, 674–708.
- McFadden, T., Alexiadou, A. 2006: Auxiliary selection and counterfactuality in the history of English and Germanic. *Comparative studies in Germanic syntax*, 237–262.
- Mitchell, B. 1985: *Old English Syntax*. v. II. Oxford: Clarendon Press.

- Nedjalkov, V. P. 1983: *Tipologiya rezul'tativnyh konstrukcij: rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt*. [Typology of resultative constructions: resultative, stative, passive, perfect]. Leningrad: Nauka.
- Недялков, В. П. 1983: *Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект*. Л.: Наука, Ленинградское отделение.
- Plungian, V. A. 2011: *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow: RGGU.
- Плунгян, В. А. 2011: Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ.
- Schachter, P. 1977: Constraints on coordination. *Language*, 86–103.